

«ОКАМЕНЕННОЕ БЕЗЧУВСТВИЕ».

(По поводу полемики против евразійства.)

Съ давнихъ поръ указывалось на странное и «печальное» своеобразие русской критики идей. Въ частности, Н. А. Бердяевъ неоднократно отмѣчалъ ея роковую публицистическую ограниченность, мѣшающую даже простому распознаванію и выслушиванію чужихъ мыслей и воззрѣній. Рѣдко и какъ бы неохотно русскіе критики разсуждали и разсуждаютъ по существу, — точно нѣтъ у нихъ подлиннаго интереса къ обсуждаемымъ вопросамъ и темамъ. — Таковую характеристику и прежде, и теперь обыкновенно считают несправедливо суровой, — и, конечно, къ ней требуются оговорки. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ и цѣломъ она безспорна и вѣрна. Слѣдовало бы даже еще болѣе сгустить краски. Рѣчь идетъ не о простомъ равнодушіи или невниманіи. Въ публицистической близорукости обнаруживается какой то тревожный духовный изъянъ, раскрывается какая то метафизическая трещина духа. Обсужденіе замѣняется осужденіемъ или криками восторга — отъ малодушія и испуга, отъ страха передъ проблематикой, которая должна развернуться передъ испытующимъ взоромъ и «затруднить» мысль. Въ предчувствіи этихъ трудностей сознание старается заморозить себя, заслонить трагическую слоность дѣйствительности мечтательной ширмой. Эта духовная робость часто одѣвается въ маску смиренія. Но не трудно распознать, что это — только личина. Въ подлинномъ смиреніи есть трепетъ и тревога, подлинное смиреніе всегда сочетается съ мужествомъ, — въ смиреніи есть сила и воля. Въ робости этого нѣтъ. Въ робости нѣтъ сознанія важности открывающагося, нѣтъ святого волненія передъ таинственною полнотою жизни. Испугъ

соединяется всегда съ неуваженіемъ къ тому, чего боятся. И потому такъ легко переходитъ онъ въ самоувѣренность и упрямство. Упрямятся люди всегда отъ слабости, сколь бы дерзновеннымъ и мужественнымъ ни казалось подчасъ упрямство. Испугъ и робость располагаютъ къ самообману, толкаютъ на путь измышній... И въ «возвышающихъ» вымыслахъ малодушіе окапывается, какъ будто въ крѣпкомъ градѣ... Начинается проповѣдь безмятежія и благополучія, — будто все вокругъ — мирно, ладно, покойно. А затѣмъ разгорается благородное негодованіе противъ тѣхъ, кто возмущаетъ эту тишь и гладь, кто осмѣливается сомнѣваться въ этомъ благополучіи и безопасности. И тѣхъ, кто увидѣлъ грозящую тайну почувствовалъ шевелящуюся хаосъ подъ зыбкою почвою, и предостерегаетъ объ этомъ, блюстители мира обзываютъ и ославляютъ общественными возмутителями, опасными врагами «сущствующаго порядка». Отъ слабости не хочется видѣть, ибо предчувствіе говоритъ, что увидѣть придется трудное и страшное. Отъ этого хочется уйти, или хотя бы уснуть. И горе «людямъ бессоннымъ», которые и другимъ, малодушнымъ, мѣшаютъ спать. Публицистическая близорукость лишь отчасти объясняется низкимъ уровнемъ внутренняго развитія. Въ послѣднемъ счетѣ она — вольное самоопредѣленіе, родъ защитнаго приспособленія для слабыхъ душъ, своего рода убѣжище. Публицистика облегчаетъ и упрощаетъ вопросы, и не сводится ли вообще исторія недавняго русскаго прошлаго къ такому самоусыпленію? Отъ трудныхъ и тревожныхъ вопросовъ культурнаго самоопредѣленія и самоотчета не бѣжала ли и не пряталась ли русская интелли-

генція въ «общественность». А тѣхъ, кто пророчилъ и предвѣщалъ грядущія потрясенія, кто чувствовалъ неблагополучіе, кто звалъ къ раздумію и «покаянію», не отъ страха ли называли визионерами, мрачными вѣстовщиками небылицъ и нелѣпиць? И въ концѣ, сколько въ этомъ было пошлаго неуваженія къ жизни, нечувствія ея серьезности и глубины... Конечно, можно и нужно учитывать чужую слабость и безвольность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ надо прямо признавать ихъ за порокъ и — врачевать ихъ. Вѣдь, какъ ни трудно бываетъ бодрствовать, — надо... Великіе русскіе люди бодрствовали, хотя это было подчасъ и очень жутко, и будили другихъ, и звали и чуяли бѣду, и предсказывали ее... ! ще можно понять, что ихъ мало слушали во дни историческаго затишія, но ихъ не слушаютъ и не слышать и теперь, когда пророчества сбылись и пучина разверзлась. Это слабобольное упрямство въ рѣшительный часъ остается загадочнымъ и непоятнымъ и жутко становится отъ такой упрямой вѣры въ самообманъ, словно вправду можно зачаровать себя до того, чтобы утратить всякое чувство реальности и воображать себя безопаснымъ въ мірѣ вымысла... Забвеніе и нечувствіе среди разрухи не только грозитъ нечаянною гибелью забывшимся, — оно питаетъ самую разруху. И если есть въ этой разрухѣ какая то темная, зловѣщая рука, то это она насылаетъ наводненія и сонныя чары, это она усыпляетъ и гипнотизируетъ слабыя души, это она разсыпаетъ розовые сны и радужныя надежды. Злому князю вѣка сего работаютъ, сами того не зная, быть можетъ, сонные и малодушные, вѣрящіе въ сказку о благополучіи. И, конечно, это его не чистая сила мѣшаетъ опомниться и сознать вину и грѣхъ.

Такія мысли невольно рождаются при чтеніи теперешней зарубежной нашей литературы. Такую мрачную думу подсказываютъ и внушаютъ теперешнія полемическія нападкы на тѣхъ, кто осмѣливается уходить въ религіозно-метафизическія корисловія нашей разрухи. Въ этомъ отношеніи въ особенности характерна та борьба, которая ведется съ евразійствомъ и противъ евразійства. Я не собираюсь ни разъяснять, ни защищать евразійскихъ воззрѣній. Въ томъ то и заключается вся острота полемики и спора, что всякое разъясненіе и защита съ евразійской стороны рѣшительно несвоевре-

менна и неумѣстна. Чуткіе и внимательные и безъ того уже поняли, и, если не согласились, то тѣмъ не менѣе приняли и продумали евразійскіе вопросы и темы. Вѣдь, въ концѣ концовъ, важно не то, что именно евразійцы думаютъ, а то, о чемъ они думаютъ, — та правда, которую они ищутъ и видятъ. Главное недоразумѣніе спора состоитъ какъ разъ въ томъ, что большинство оппонентовъ вообще никакой правды искать не желаютъ, а въ евразійцахъ казнятъ именно безпокойство ихъ исканія. Оппоненты хотятъ внушить, что собственно искать нечего и не къ чему. Они хотятъ упростить и уменьшить тайну русской революціи, хотятъ доказать, что у ней нѣтъ никакого корисловія, никакихъ историческихъ основаній... Они хотятъ ее свести на личное злоумышленіе, ея удачу объяснить темнотою русскаго невѣжественнаго народа, — словомъ, пытаются уложить все происходящее въ категоріи уголовного права. И потому ихъ волнуетъ и даже озлобляетъ всякое напоминаніе о болѣе глубокихъ истокахъ и началахъ, — такія напоминанія они считаютъ нужнымъ во что бы то ни стало остановить и прекратить. Такой образъ поведенія внушенъ опять таки слабостью и малодушіемъ. Ибо, конечно, съ духовной болѣзнью бороться труднѣе, чѣмъ съ «простымъ» озорствомъ и хулиганствомъ. Оппоненты евразійства, думается, инстинктивно боятся, что, если въ правду евразійскіе диагнозы вѣрны, то для возрожденія потребуется такая терапія, на которую нужно большое мужество, и самоотреченіе, и вѣра, — а ихъ то въ себѣ они не находятъ. Иными словами, они боятся, что тогда потребуется слишкомъ большой переломъ и поворотъ въ духѣ. И вотъ надо принудить къ молчанію несвоевременныхъ возмутителей сна... Въ большинствѣ случаевъ намъ вовсе не возражаютъ, — на насъ, евразійцевъ, нападаютъ, нападаютъ со злобой, гнѣвомъ, азартомъ, насмѣшкой, досадой. Обсужденіе замѣняется голословнымъ осужденіемъ. Анализъ замѣняется выборкой отдѣльныхъ словъ фразъ, независимо отъ связи рѣчи и мысли, — и кажется, будто у оппонентовъ нѣтъ вовсе воли къ пониманію. Въ полемикѣ встрѣчаешь много крѣпкихъ словъ и окриковъ, и по контрасту еще рѣзче выступаетъ молочисленность доводовъ, доказательствъ или хотя бы отводовъ. Какъ бы въ самооправданіе многіе оппоненты мимоходомъ замѣчаютъ, что, дес-

затъ, и не стоить тратить времени на опроверженіе евразійскаго несмыслиа, невѣжества и озорства... Иные договариваются даже до того, что, дескать, здѣсь зообще нѣтъ мѣста для спора, а развѣ голько для порки, — ибо здѣсь нѣтъ состязающихся сторонъ, но только, «сѣкущіе и сѣкомые»... При такомъ оборотѣ полемики она естественно становится односторонней. Въ этомъ собственно говоря новаго ничего нѣтъ. Въ русскомъ интеллигентскомъ обычаѣ давно уже было замѣнять обсужденіе обличеніемъ и двусмысленными намеками на злонамѣренность противника. И неуваженіе къ искомой правдѣ ни въ чемъ такъ не выражалось, какъ въ этомъ полемическомъ приѣмѣ, но только отъ предѣльной слабости и совершеннаго маловѣрія можно убѣждать себя, что оправдаешь свое мнѣніе и опровергнешь противника, если провозгласишь его за злонамѣреннаго и насмѣешься надъ нимъ. Любопытно, что нападеніе на насъ ведется сомкнутымъ и совокупнымъ фронтомъ; и страннымъ образомъ, самые разнородные публицисты, рѣшительно неспособные согласиться между собой ни въ чемъ положительномъ, достигаютъ объединенія въ шумномъ и гнѣвливомъ отрицаніи евразійской «ереси». Въ точномъ смыслѣ слова, евразійцы окружены вражескимъ строемъ: за злонамѣренныхъ ихъ почитаютъ всѣ, отъ крайнихъ «правыхъ» до крайнихъ «лѣвыхъ», — и даже удивительно, какъ это всѣ они соглашаются въ этой оцѣнкѣ. Конечно, различные оппоненты вмѣняютъ въ вину разное, новсѣ безъ изыятія занимаютъ вмѣненіемъ. Одни вмѣняютъ реакцію, другіе — революцію; иные, просто невѣжество и легкомысліе, однако, тоже бѣлос или краснос. И всѣ убѣждены, что остается только осудить, да поскорѣе привести приговоръ въ исполненіе: иными словами, — во что бы то ни стало принудить къ молчанію. Не стоить распутывать всѣ хитросплетенія и извороты этого «суда неправеднаго». Въ концѣ концовъ, дѣло совсѣмъ не въ томъ, что именно евразійцевъ не слушаютъ и не понимаютъ, что ихъ мысли толкуютъ вкривъ и вкосъ, приписываютъ имъ то чего они не говорили, но что легко поддается опроверженію или внушаетъ страхъ. Но самая эта подмѣна разсужденія бранью заставляетъ призадуматься: почему же, въ самомъ дѣлѣ, въ такую страшную и отвѣтственную для насъ, русскихъ, годину, такъ многимъ

не хочется разсуждать по существу. И еще можно понять причину озлобленія и неистовства съ той стороны, гдѣ свободу отождествляютъ съ безбожіемъ, демократію съ богоборчествомъ, и зовутъ подъ «побѣдоносныя» знамена атеистическаго гуманизма. Такія возраженія только подкрѣпляютъ евразійцевъ, они стъ противнаго доказываютъ правоту ихъ прогнозовъ. Но враждебное обличеніе со стороны проповѣдниковъ націонализма и защитниковъ вѣры, видящихъ знаменіе Сатаны въ революціонной бурѣ, вотъ это рѣшительно непонятно. И можетъ объясняться это — только вольной близорукостью и нежеланіемъ видѣть. Дѣйствительность черезъчуръ сурова для мечтательныхъ глазъ, и ее одѣваютъ радужнымъ миеомъ: горе тому кто крикнетъ, что король голъ...

Чѣмъ больше задумываешься надъ этими «полемическими красотами», тѣмъ болѣе убѣждаешься, что внушаетъ ихъ какая то своеобразная духовная маниловщина, — невинная на первый взглядъ, въ существѣ своемъ она чрезвычайно ядовита... Практически рѣшающее значеніе для религиозно-метафизической ориентировки въ происходящемъ имѣетъ тоносъ мірочувствія и міровоспріятія. Вотъ почему мы, «евразійцы», съ самага начала подчеркнули, что наше сужденіе складывается на основѣ *катастрофическаго* міроощущенія, что первое и основное для насъ — видѣніе *историческаго трагизма*. А противостоятъ намъ именно тѣ, кто не видитъ и даже не желаетъ видѣть этого трагизма, люди идиллическаго склада. Надъ катастрофизмомъ они или потѣшаются, или списходительно разводятъ руками; въ крайнемъ случаѣ, они сожалѣютъ объ ушибленныхъ житейскими тревоженіями. Они неспособны понять дѣйствительный трагизмъ жизни. Они готовы уважить чужую тревогу, по спѣшатъ разьяснить всю ея неосновательность. Вотъ почему евразійскія сомнѣнія въ твердости европейской культуры и въ благополучіи европейской жизни наши оппоненты возводятъ къ мимолетнымъ и эмоціональнымъ поводамъ, — либо къ испугу передъ «звѣрствами» міровой войны, либо даже въ обывательской обидѣ на грубость иностранцевъ и на порченныя союзническіе консервы. Имъ не приходитъ въ голову что можно и пужно задумываться надъ предѣльными судьбами европейской культуры, — имъ это кажется даже просто

святотатствомъ. Въ судѣ надъ историческимъ прошлымъ имъ чудится только дикарство и невѣжество. Въ этомъ, опять таки, сказывается ничто иное, какъ слабость. Наши оппоненты накладываютъ какъ бы табу на Европу, — не оттого ли, что они не увѣрены, что ихъ кумиръ выдержитъ критическое испытаніе... Подлинное мужество не боится суда. И говорить объ европейскомъ закатѣ, это не значитъ отвергать Европу, отрицать ея достижения и подвигъ. Евразійцы не менѣ старыхъ славянофиловъ и Достоевскаго готовы уважать многотрудный подвигъ Европы, и соскорбѣть ея тоскѣ и паденію. Они говорятъ о болѣзни Европы, а не о ея ничтожествѣ. И послѣдовательность мысли вовсе не требуетъ отъ того, кто говоритъ о кризисѣ европейской культуры, чтобы онъ отвергалъ и Данте и Шекспира и Гегеля и Канта, и считалъ ихъ ничтожествами. Однако, съ другой стороны, признаніе ихъ значительности еще не означаетъ возведенія ихъ въ канонъ и безоговорочнаго согласія съ ними. Въ культурной исторіи Европы сочетаются и свѣтъ и тѣни. Мы видимъ исторію Европы въ перспективѣ исторіи Христова дѣла на землѣ, и, уважая искренность страстного подвига Европы, именно изъ уваженія къ нему, не закрываемъ глазъ на безнадежные тупики западнаго пути и не замалчиваемъ европейскаго провала. Впрочемъ, совсѣмъ не объ этомъ говорятъ и думаютъ наши оппоненты. Не святое и лучшее въ Европѣ, а подлинная европейская культура внушаетъ имъ благоговѣніе, и поэтому въ своемъ преклоненіи передъ Европой они раболѣпны, а не свободны. У нихъ нѣтъ ощущенія проблематики культурной жизни. Для нихъ культура есть что-то законченное и отвердившееся, и самое ощущеніе подвижности культуры представляется имъ уже подозрительнымъ. Ибо они вѣруютъ въ какія то зсспасающія формы, — имъ кажется, что все зло, до сихъ поръ сохраняющееся и дѣйствующее въ европейской жизни, сохраняется и дѣйствуетъ вопреки культурнымъ побѣдамъ. Круговой поруки въ исторической жизни они не ощущаютъ и не понимаютъ. Они не хотятъ понять, что европейскія слабости не случайны въ своемъ происхожденіи, а имѣютъ глубочайшіе культурно-историческіе корни. Можно сказать, что до европейской культуры въ собственномъ смыслѣ слова имъ и дѣла нѣтъ. Они преклоняются предъ

цивилизацией: мотокультура и парламентаризмъ, «американизмъ» или демократія имъ во всякомъ случаѣ дороже Данте, — такія имена они приводятъ только для прикрытія. Ихъ пафосъ — пафосъ публицистическій, пафосъ обывателя и дѣльца. Въ концѣ концовъ, они преклоняются только предъ силою и мощью европейскаго штыка. Въ европейское оружіе, вотъ во что они вѣруютъ. И Европу отъ евразійскаго несмысла они защищаютъ только потому, что грезятъ о пресловутой интервенціи. Той европейской тоски, которою болѣлъ Достоевскій, они не хотятъ знать. Они боятся напоминаній о ней: а вдругъ Европа окажется больной, и интервенція не состоится... Тогда, значитъ, все кончено... Ибо въ Россію они совершенно не вѣрятъ. Духовное углубленіе и изоцрненіе имъ кажется не только не практичнымъ, но и чрезвычайно вреднымъ. Разрѣшеніе русской проблемы они видятъ въ томъ, чтобы превратить самихъ себя и весь русскій народъ въ обывателей и дѣльцовъ. Имъ кажется, что въ годину испытаній надо всѣ духовныя, религіозныя и метафизическія проблемы на время оставить въ сторонѣ, какъ ненужную и ничкѣмную роскошь. Они со страшнымъ спокойствіемъ предсказываютъ и ожидаютъ будущее пониженіе духовнаго уровня Россіи, когда всѣ силы будутъ уходить на восстановленіе матеріальнаго благополучія. Они даже радуются такому прекращенію безпочвеннаго идеализма. — Во всемъ этомъ много противорѣчій, но логическія невязки вполнѣ совмѣщаются съ психологической связанностью одинаго настроенія... Культурный пафосъ у нашихъ оппонентовъ только на словахъ, а въ душѣ они — глухіе обыватели. Ихъ мнимое преклоненіе предъ Европой лишь прикрываетъ ихъ глубокое невниманіе и неуваженіе къ ея трагической судьбѣ. И потому они не могутъ понять и разгадать ея исторію, ея судьбу. Они отрицаютъ, что социализмъ вырастаетъ изъ самыхъ глубокихъ европейскихъ началъ, что изъ Европы пришла коммунистическая зараза. А потому они и не могутъ не только преодолѣть ее, но и просто объяснить. Отсюда сбивчивость и неясность ихъ сужденій и о русской разрухѣ, и о русской европеизации, объ отношеніи Россіи къ Европѣ. Они вѣруютъ въ Европу, какъ въ мумію, — а въ творческомъ отношеніи къ ней имъ чудится уже опасность... И русскія судьбы они селятся понять и

представить идилично. И, съ одной стороны, всякая рѣчь о русскихъ грѣхахъ и язвахъ представляется имъ гнуснымъ покушеніемъ на славное прошлое. Съ другой стороны, это прошлое сводится для нихъ къ одной только «императорской Россіи». Въ нѣкоторой растерянности они повторяютъ отдѣльные имена: то говорятъ о Петрѣ Великомъ, то о Пушкинѣ, то о Столыпинѣ... И непонятно, зачѣмъ они стараются идеализировать это прошлое. Сладость уютныхъ воспоминаній каждому понятна, —но вѣдь слишкомъ давно уже пробудилось въ русской душѣ трагическое сознаніе. И патриотизму оно вовсе не мѣшаетъ, какъ не мѣшало у Гоголя, Хомякова, Достоевскаго. Любовь къ отечеству совсѣмъ не требуетъ забвенія о «каиновыхъ браняхъ».. Только полнота исторической памяти воспитываетъ творческое дерзновеніе и волю, только она страхуетъ отъ испуга. Только она объясняетъ внутренній генезисъ русской разрухи, приводитъ къ ея корнямъ, а потому и открываетъ пути къ возрожденію и возстанію въ духѣ. Здѣсь многое требуетъ разъясненія, но разъ навсегда надо бросить устрашающую игру словами, — разъ навсегда надо перестать пугать словомъ: «революція». Къ этому словесному застраиванію сводится, въ концѣ концовъ, чуть ли не вся «правая» полемика съ евразійствомъ. Евразійцы, дескать, «пріемлютъ» революцію, а потому они не только большевики, но даже пугачевцы... Оглушать неподготовленныхъ обывателей такими страшными возгласами совсѣмъ не трудно, гораздо труднѣе ихъ обосновать. Надо прямо сказать, это — преднамѣренная ложь. Евразійцы неоднократно разъясняли, въ какомъ смыслѣ они не то, что «пріемлютъ», а *учитываютъ* революцію, и, конечно, никакого «пробольшевизма» въ нашемъ пониманіи нѣтъ. Нѣтъ никакого сочувствія злому духу революціи, въ признаніи за ней историческаго корнесловія... Вѣдь сводить всю революцію на злоумышленія партійныхъ коммунистовъ, это значитъ, во первыхъ, отказываться отъ ея объясненія, — если только не вѣрить во всемогущество коммунистическихъ вождей, а во-вторыхъ, —избавлять себя отъ необходимости творческой и духовной борьбы съ нею. Не даромъ у такихъ «контръ-революціонеровъ» задачи борьбы съ большевизмомъ служивается до размѣровъ карательной экспедиціи, словно, въ самомъ дѣлѣ, все

рѣшится, когда будутъ повѣшены нѣсколько сотъ «злодѣевъ». Въ сущности такое «непріятіе» есть подлинное пріятіе, и такое противленіе есть подлинное непротивленіе. Снова и снова мы встрѣчаемся со слабостью духа: проблему революціи упрощаютъ, чтобы оправдать упрощеніе и облегченіе своего поведенія... Въ этомъ оправданіи идутъ очень далеко, всю русскую исторію перекрашиваютъ розовой краской... Никакого «потворства» сатанинской стихіи нѣтъ въ томъ евразійскомъ убѣжденіи, что въ революціи раскрылись историческіе недуги Россіи. Что готовилась она издавна и исподволь, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ... Совершенно непонятно, какъ можно преодолѣть большевизмъ въ корнѣ, если не исторгнуть его духовныхъ корней... Расширяя кругъ «виновныхъ въ революціи», евразійцы тѣмъ самымъ повышаютъ шансы на успѣхъ борьбы. Оппоненты видятъ въ этомъ только покушеніе на старую славу. Но считать, скажемъ, Петра Великаго *роковымъ геніемъ* не значитъ отрицать его подвигъ. И возводить къ нему начала многихъ русскихъ бѣдъ не значитъ уменьшать его государственную значительность. Вообще надо отказаться отъ живописи однимъ цвѣтомъ. Мы признаемъ много смраднаго и темнаго въ русской жизни Петербургскаго періода, но это нисколько не мѣшаетъ видѣть сквозь туманъ и свѣтъ животворный, многократно и многообразно побѣждавшій и побѣждающій силу мрака. Во всякомъ случаѣ въ такомъ видѣніи гораздо больше трезваго реализма, чѣмъ въ маловѣрномъ идеализированіи прошлаго, чѣмъ въ самооправданіи и перекладываніи вины на однихъ исполнителей злыхъ судебъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь нельзя отождествлять всю современную Россію съ коммунистическимъ замысломъ о ней. Конечно, въ С. С. С. Р. есть и Россія. Она не умерла подъ коммунистической маской, и, болѣе того, она настолько еще жива и дѣеспособна, что нерѣдко сквозь личину проступаютъ свѣтлыя черты живого лица. И можно сказать, С.С. С. Р. существуетъ доселѣ именно потому, что еще есть Россія. Въ этомъ признаніи напи оппоненты, конечно, увидятъ новое потворство большевикамъ. — Станнымъ образомъ, вопреки дѣйствительности, они на слово повѣрили большевикамъ, повѣрили будто имъ (большевикамъ) удалось до конца умертвить русскую душу. Вслѣдъ за ними наши

оппоненты отождествляют С. С. С. Р. со всей Россіей. Въ этомъ сказывается все то же малодушіе и невѣріе. По неосновательной привычкѣ здѣсь страна, земля отождествляется съ властью, какъ будто власть всемогуща. Въ прежнее время разсуждали такъ, что разъ есть царь, то всѣ монархисты, за исключеніемъ немногихъ «враговъ внутреннихъ», а стало быть все благополучно, — и изъ за этой близорукости проглядѣли умираніе русскаго царства, проглядѣли свою собственную работу на его погибель. А теперь разсуждаютъ по прежнему шаблону: разъ въ Москвѣ ВЦИК и Совнаркомъ, то значить всѣ уже въ Россіи злодѣи, а потому «любовь къ Отечеству» требуетъ, дескать, злобы ко всей теперешней Россіи. Именно отсюда рождается замыселъ карательной экспедиціи. — Врядъ ли нужно подробно разъяснять, что вѣра въ неистощенность русскаго народа не включаетъ въ себя признанія большевизма за доброе дѣло. Но даже и не объ этомъ идетъ рѣчь. Совершенно ясно, что за послѣдніе годы въ Россіи многое перемѣнилось. Противленіе большевизму отнюдь не требуетъ признанія, будто все перемѣнилось въ угоду или на пользу большевикамъ, и по ихъ указкѣ. Историческое дѣйствіе всегда не вполне совпадаетъ съ индивидуальными умыслами. Конечно, много злыхъ посявовъ возшло въ Россіи, многое придется выкорчевывать и посякать. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ преуменьшать одичанія, вырожденія, разврата... Однако нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что все въ Россіи подлежит искорененію. Растутъ и тамъ благодатныя побѣги. Русская душа еще не истощилась. Болѣе того, сами того не вѣдая, большевики во многомъ работаютъ на своихъ противниковъ... не только потому, что «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и своимъ чрезмернымъ нажимомъ они готовятъ себѣ противодѣйствіе; но потому, что многія ихъ мѣропріятія въ дѣйствитель-

ности приводятъ къ итогамъ, прямо обратнымъ ихъ умыслу. Нельзя радоваться гоненіямъ на Святую Церковь, но надо признать, что въ горнилѣ мученичества просвѣтлѣла русская душа и закалилось русская вѣра. Конечно, большевики вовсе не хотѣли торжества Церкви, и тѣмъ не менѣе въ С. С. С. Р. русская Церковь процвѣла, какъ жезлъ Аароновъ, врядъ ли не больше, чѣмъ въ Петербургской Россіи. — Все это очень сложно. Нельзя утѣшать себя радостными предчувствіями. Россію надо еще освободить, завоевывать и отбивать въ духѣ. Но эта битва только тогда будетъ успешна, если это будетъ битва за Святую Русь, если удары мы направимъ подъ самый корень. Надо понять, что С. С. С. Р. начинается не съ октября, но гораздо раньше, и выкорчевывать ея послѣдніе корни. Вотъ о чемъ говорятъ евразійцы и это кажется нашимъ оппонентамъ поклепомъ на прошлое. Страннымъ образомъ распределяются у нихъ свѣтъ и тѣни: въ прошломъ, то есть, въ императорской Россіи, какъ и въ Европѣ они видятъ только свѣтъ; а въ современности, т.е. на нашей родинѣ, — только мракъ. И поэтому изнемогаетъ и безъ того уже немощное ихъ сердце.

Въ наши дни прежде всего нужно бороться съ самообманами. Мы не должны робѣть передъ дѣйствительностью. Страхъ побѣждается вѣрою, а не закрываніемъ глазъ. Въ духовномъ подвигѣ мы обрѣтемъ вновь свою родину, а не чрезъ идеализацію прошлаго. О мужествѣ мы должны теперь молиться. И болѣе чѣмъ когда, должны взывать: *избави насъ, Господи, отъ всякаго невѣдѣнія, и малодушія, и забвенія, и окамененнаго нечувствія...*

Георгій В. Флоровскій.

Прага Чешская
1925, Сентября 29.